

ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

К. А. Пахалюк

Идеологические причины делегитимизации самодержавия в России

Аннотация: в статье рассматриваются причины делегитимизации царской власти в России, произошедшей в годы Первой мировой войны. Констатируется, что власти не удалось предложить обществу картину мира, дающую адекватное объяснение происходящему, и консолидировать народ вокруг фигуры императора. Основное внимание уделяется ошибкам, совершенным в сфере идеологической политики (в отношении образа врага, интерпретации смысла войны, репрезентации образа Николая II, информирования общества о ходе военных действий). Организованная властью с целью оправдать военные поражения кампания по поиску немецких шпионов обернулась против нее: получили распространение слухи о наличии немцев-предателей среди членов императорской фамилии и правительства. Национальное и монархическое оказались противопоставлены друг другу, а власть потеряла доверие общества и народа.

Ключевые слова: история, Первая мировая война, политическая культура, Февральская революция 1917 г., Николай II, Российская империя, идеология, пропаганда, кризис власти, образ врага.

Первая мировая война в российском обществе была встречена с патриотическим подъемом и вызвала небывалое общественное единение. Массовые забастовки сменились манифестациями в поддержку власти. Критично настроенная к действиям правительства Государственная дума почти единодушно одобрила войну, а непримиримые противники кадет П. Н. Милюков и националист В. М. Пуришкевич публично пожали друг другу руки, знаменуя прекращение политических баталий перед лицом врага. Казалось, общество и народ¹ выдали власти огромный кредит доверия. Однако он был растрочен очень быстро. Через два с половиной года почти все общество отвернулось от императора, а народ не выступил в его поддержку. Бунт среди запасных батальонов и рядовых граждан в Петрограде вскоре перерос в политический кризис, использованный либеральными кругами, что в свою очередь привело к Февральской революции 1917 г. (Не удивительно ли, что за отречением вместе с либералом А. И. Гучковым, давним противником самодержавия, к Николаю II приехал и националист В. В. Шульгин?)

Перечисляя причины падения династии Романовых, необходимо назвать усталость широких масс от войны, разочарованность в отсутствии крупных и ярких побед², обострение прежних противоречий (аграрный, рабочий и национальный

вопросы), экономическое перенапряжение (главным образом, из-за относительно слабой промышленности). Немаловажной представляется роль беженцев и вынужденных переселенцев в процессе роста социальной напряженности. Нельзя забывать и о возникших в 1916–1917 гг. сложностях с организацией продовольственного снабжения (прежде всего Москвы и Петрограда), а также о действиях спекулянтов, взвинчивавших цены и наживавшихся на бедах военного времени. Административно-бюрократическая машина с трудом преодолевала возникшие трудности. Однако сводить все только к трудностям социально-экономического или военного характера не стоит. На фронте случались победы, а на весеннее наступление 1917 г. вообще возлагались большие надежды. Несмотря на экономические проблемы, в стране (благодаря хорошим урожаям) не случилось голода, и жизнь в тылу (даже ввиду ограничений военного времени) не была значительно тяжелее, чем во Франции или же в Австро-Венгрии.

Иное дело — отсутствие единства в верхах, а именно поведение либеральной общественности: в стремлении отвоевать политические свободы она с 1915 г. становилась все более оппозиционной³. Даже после попыток императора пойти на компромисс (назначение товарища председателя Государственной думы, видного октябриста А. Д. Протопопова на пост министра внутренних дел) либеральные

¹ Здесь и далее используется типичное для того времени разделение всего российского социума на народ (широкие массы крестьян и рабочих) и общество (включающее образованные слои: интеллигенцию, буржуазию, политическую элиту).

² См.: Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006.

³ Подробнее о роли либералов см.: Айранетов О. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию 1907–1917. М., 2003; Катков Г. Февральская революция. М., 2006; Седова Я. Великий магистр революции. М., 2006; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 2003.

круги продолжили курс на конфронтацию, сделав все возможное для крушения режима. Этому немало способствовала сама власть, допустившая антиправительственную деятельность Земгора и военно-промышленных комитетов, которые не столько способствовали снабжению армии, сколько занимались пиаром собственных достижений и выстраивали параллельные управленческие структуры, дискредитируя правительство и готовясь к совершению переворота⁴. Неумение договариваться и идти на компромисс (т. е. заниматься политикой в прямом смысле слова), лавировать и консолидировать вокруг себя элиты — все это явилось крупнейшим недостатком царской власти, признаком ее косности и непонимания требований времени.

Вместе с тем стоит обратить внимание на ментальное измерение российского социума и подробнее остановиться на провале политики Николая II по консолидации народа и общества вокруг себя. Императорская власть не смогла предложить и актуализировать ту картину мира и те смыслы, которые широкие общественные и народные круги приняли бы в качестве объяснения происходящего и которые убедили бы их в необходимости сохранения сложившегося порядка вещей, а также структурировали рефлексию происходящих событий в выгодном для власти ключе. Этим должна была заниматься идеологическая политика (т. е. политика, направленная на создание определенной картины мира), которая в военные годы нераздельно связана с пропагандой (мобилизация населения и создание устойчивых смыслов ведения войны). Очевидно, что создать образ императора как необходимой составляющей в достижении победы не удалось, а ряд печальных ошибок и идеологических просчетов оказал немалую услугу противникам самодержавия, подорвав к нему доверие.

Свойственное российской политической культуре конспирологическое восприятие политики снижало эффективность действий власти в ментальной сфере и, как покажет дальнейшее исследование, усугубляло допущенные ошибки. Приписывание неудач действиям внутренних предателей (неких тайных сил, будь то масоны, сионисты или кто-либо еще)⁵, ориентация на поиск врага, а также персонализация власти (возложение ответственности за неудачи на отдельные личности) лишь усиливали недоверие к верхам. Негативно сказались и перенесение нормативных идеалов дружбы на внешнеполитическую реальность, которая строится на иных принципах. Расхождение между идеалом и реальностью спровоцировало недоверчивое и во многом враждебное отношение к англо-французским союзникам, кото-

рых стали обвинять в предательстве. Отсутствие успехов на Западном фронте, его пассивность, обусловленная естественными причинами позиционной войны, а также попытки оправдать некоторые неудачи русской армии (например, поражение в Восточной Пруссии) тем, что Россия фактически жертвовала собой ради союзников — все это создавало почву для подобных домыслов. В итоге произошла дискредитация внешней политики. Справедливо писал современник тех событий генерал Н. Н. Головин: «В толще армии и в глубинах народа широко всходила мысль, что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию. Автору часто приходилось слышать, начиная с зимы 1915–1916 годов, циркулировавшую среди солдатской массы фразу: “Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата”»⁶.

Можно выделить несколько групп ключевых ошибок в сфере идеологической политики, которые в итоге способствовали потере доверия и подрыву легитимности царской власти.

Первая группа связана с образом врага. В 1914–1916 гг. немцы позиционировались главным образом в качестве преступников и агрессоров, заклятых противников славянства и России, «приспешников сатаны». При этом использовались эпитеты, обозначающие заносчивость, самовосхваление, стремление к материальному (в противовес русской духовности), ослепление экономическими успехами (они — признак грехопадения; тем самым имплицитно подчеркивалось, что бедность русского народа является свидетельством близости к Богу). Тиражировались рассказы о немецких зверствах. Ключевым стал посыл, будто германцы, первыми нападшими на Россию, угрожают ее существованию как государства, что с точки зрения пропаганды оказалось эффективным шагом. Одновременно создавался образ России как «святой Руси», истинно-христианского государства, сражающегося за правду. Подчеркивалось, что войну ведет непобедимый русский народ (отсюда попытка назвать начавшийся конфликт «народной войной»).

Однако первые поражения показали, что созданный идеал расходится с действительностью. Появилась необходимость в адекватном объяснении причин неудач. Ответ был найден в «раскручивании» германофобии и шпиономании, а также поиске виновных и предателей. Таким образом, ненависть к немцам «внешним» перекинулась на «внутренних», даже на тех, которые уже несколько веков жили на территории Российской империи. Типичным образчиком мышления того времени может служить высказывание монархиста Л. А. Тихомирова: «А мы, т. е. Россия, вдобавок переполнены немцами в правительственных сферах, армии, во всех функциях

⁴ Айранетов О. Генералы, либералы и предприниматели... С. 227–228.

⁵ См., например: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 307.

⁶ Головин Н. Россия в Первой мировой войне. С. 418.

страны. Кто из этих немцев не изменник, если не явный, то в глубине души?»⁷.

Свой смысл в нагнетании германофобских настроений все же был, поскольку носителям архаичного сознания легче всего объяснить причины неудач действиями неких «тайных враждебных сил». Более того, для некоторых кругов шпиономания стала эффективным инструментом борьбы с соперниками (как в политической, так и в повседневной жизни). С точки зрения теории социального конфликта «поиск или изобретение внутреннего диссидента служит сохранению структуры»⁸, однако в действительности оказалось, что сами представители власти в глазах общества и народа превратились в этих диссидентов.

Следствием германофобии и шпиономании стала дискредитация офицерского состава, где многие носили немецкие фамилии. Общественное мнение обрушилось на близкого к императору генерала П. К. фон Ренненкампа, явные выдумки о его связях с врагом ходили даже в Ставке и попали в дневники современников⁹. Так, великий князь Андрей Владимирович оставил в дневнике запись о следующих приказаниях, якобы отдававшихся генералом Ренненкампом: «А между тем многие командиры батарей показали, что они получали приказание — в Восточной Пруссии во время боев по таким-то участкам не стрелять, и при расследовании оказывалось, что эти участки принадлежали родственникам Ренненкампа»¹⁰.

Подобная политика вызывала национальные трения в Прибалтике и других губерниях, где был велик процент немецкого населения. Назначенный в военное время прибалтийским генерал-губернатором генерал П. Г. Курлов в мемуарах подробно писал о борьбе, разгоревшейся между латышами и немецкой верхушкой, причем частыми стали обвинения (как правило, беспочвенные) в шпионаже и государственной измене. Имели место даже случаи провокации, когда латыши специально пытались подставить немцев. Военное руководство зачастую с доверием относилось к таким доносам¹¹.

Еще большей дискредитации подверглись многочисленные обладатели немецких фамилий — придворные, чиновники, а также члены правительства. Неудачи на фронте, проблемы в экономике и социальной сфере вызвали роптание на правительственные круги и способствовали распространению

слухов об измене и предательстве. Барон Н. Н. Врангель оставил в дневнике такую запись: «Сегодня все только и говорят об аресте графини Клеймихель..., якобы уличенной в шпионстве для Австрии. <...> Говорят, что повесили или расстреляли генерала Драчевского — градоначальника Петербурга, уличенного в сношениях с враждебными нами державами и получавшего субсидии на забастовку по 70 копеек с «бастующей души»¹². Показная русификация (обер-прокурор Синода Саблер стал Десятковским, министр внутренних дел Штюмер взял фамилию матери — Панин) не решила проблему.

Начатые же в 1915 г. судебные процессы об измене полковника Мясоедова и военного министра В. А. Сухомлинова (с вынесением смертного приговора первому) лишь подтвердили опасения, что в офицерском корпусе и правительстве действительно существуют предатели¹³. По распространенной версии, дело Мясоедова, начатое и быстро доведенное до обвинительного конца по настоятельному требованию верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, имело целью не только оправдать частичные неудачи на восточно-прусском фронте, но и дискредитировать политического противника — Сухомлинова.

Сейчас для нас не так уж значимо, был ли Мясоедов действительно изменником (большинство мемуаристов и исследователей считают, что нет), важнее другое — влияние на общественное мнение: общество получило прямое подтверждение ходивших слухов и сплетен. Дальнейшие интриги против Сухомлинова, обвинение его в предательстве и выставление как главного виновника неготовности армии к войне имели далеко идущие последствия, и нетвердая позиция царской власти сыграла «первую скрипку». Отстранив Сухомлинова от должности и начав следственное дело (при этом заключив его в Петропавловскую крепость), власть фактически пошла на уступки раздувавшим дело думским кругам и, тем самым, подтвердила наличие предателя («немецкого шпиона») в верхах. Когда же по настоянию Николая II Сухомлинов был освобожден, это спровоцировало слухи, что император покрывает изменников, и сильнее ударило по его легитимности¹⁴.

Антигерманская пропаганда роняла престиж царской власти, ибо сам император имел большую долю немецкой крови, его жена была немецкой принцессой (хотя на самом деле считала себя англичанкой и недолюбливала Германию). Уже летом 1915 г., после принятия Николаем II поста верховного главнокомандующего, по Москве пополз слух, что импера-

⁷ Дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917. М., 2008. С. 71.

⁸ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 136–137.

⁹ См.: Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Воспоминания. М., 2005. С. 268.

¹⁰ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 78.

¹¹ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 2002. С. 245–250.

¹² Врангель Н. Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 годов. СПб., 2001. С. 21, 22.

¹³ См.: Фуллер У. Внутренний враг... С. 193–195.

¹⁴ Там же; Тарсаудзе А. Четыре мифа о Первой мировой. М., 2007. С. 67–414; Катков Г. Февральская революция. С. 141–155.

тор специально идет на фронт с наследником, чтобы сдать в плен и заключить сепаратный мир¹⁵. Князь В. А. Друцкой-Соколинский, минский губернатор, бывший в Петрограде в конце 1916 г., писал позднее в мемуарах: «Помню, что, будучи у П. П. Стремоухова, моего старого знакомого и друга, я спросил его о настроениях “сфер”, о настроении общества и настроениях вообще. Мне было отвечено с указанием на портрет Императрицы Александры Федоровны: “Эта дрянь нас всех погубит!” С грустью я должен был ответить, что и в провинции в этом отношении нельзя услышать другое мнение»¹⁶. Близкая подруга императрицы Ю. Ден замечала: «Я должна с грустью отметить тот факт, что все слои русского общества, начиная от князя и кончая крестьянином, неизменно проявляли свою враждебность по отношению к собственной императрице...»¹⁷.

Вторая группа ошибок связана с попыткой осмысления войны как «освобождения». Изначально речь велась об освобождении братских славянских народов от немецкого влияния, а русского народа — от пресловутого «немецкого засилия». Однако публицистика и общество пошли дальше: под освобождением стали понимать освобождение от прежнего порядка вещей, полное обновление (т. е. война стала трактоваться как позитивное явление в общественной жизни, стала актуальной ее героизация и освящение). В ряде публикаций очевидна такая логика: поскольку война является самой ужасной за всю историю человечества, то это тяжелейшее испытание необходимо пройти ради великой цели. Ожидание важных, коренных и неизбежных перемен — лейтмотив публицистики военного времени. Н. Н. Врангель точно отразил царившие в те дни чувства в своих дневниковых записях: «Будем же верить, что настал день, когда бледной великой многострадальной России придет облегчение и когда и она найдет путь освободиться от самой себя, дав свою мощь мировому будущему. Наша маленькая повседневность среднего человека в серой яме петербургского существования не может, конечно, охватить весь горизонт настоящей драмы. Видишь “в щелочку бытия” только клочки происходящего, но и они дают так много, что чувствуешь себя ничтожной букашкой на литургии, творимой Великим Божеством»¹⁸. Таким образом, сама власть спровоцировала в обществе завышенные ожидания, которые по объективным причинам не могла исполнить.

Идея освобождения воспроизводилась интеллигенцией и в целом кругами, оппозиционными Зимнему дворцу, которые выстраивали собственные

смыслы войны. Царская власть, видимо по неосторожности, сделала их одной из опор пропаганды. Посмотрим на эту проблему шире. Идея об освобождении имплицитно подразумевает, что достаточно найти наносное, чуждое и избавиться от него, восстановить правильный, естественный порядок жизни, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Отсюда — готовность искать легкие решения, сваливать всю вину за неудачи на правительство и вражеских шпионов. Негативное влияние в этой ситуации оказала и архаичная установка на персонализацию власти и ответственности. Уже в конце 1915 г. появился фельетон Сергея Рунина (псевдоним А. М. Горовцева), где освобождение фактически было синонимом требования политических реформ¹⁹. В этом контексте неудивителен и логический итог: в феврале 1917 г. по Петрограду распространилась поговорка: «Чтобы спасти монархию, надо убить монарха»²⁰. Утверждение не только не воспринималось как абсурдное, но принималось как должное и вполне разумное (достаточно устранить слабую фигуру императора, и ситуация исправится).

Третью группу составляют ошибки, связанные с образом слабого монарха в официальной пропаганде. Анализ материалов того периода позволяет сделать вывод, что наряду с детально прописанными образами германцев, русского народа, целями и сутью настоящего конфликта образ царя был невнятным. Главным участником «сего эпохального действия» оказался русский народ, роль же Николая II оказывалась второстепенной.

Создававшиеся образы царя-семьянина, царя-офицера, царя-отца при отсутствии у самого Николая II харизмы оказались неэффективными для целей консолидации широких слоев населения. Значимого образа царя-полководца создать так и не получилось. В первый год войны император много ездил по стране, стараясь использовать личный ресурс для патриотической мобилизации. Нельзя сказать, что это ему не удалось сделать: так или иначе приезд верховного правителя вызывал интерес, однако результаты оказались неоднозначными. Частью подданных подобные поездки воспринимались негативно, они мало согласовывались с образом царя-труженика и царя-воина. Так, одна жительница Кавказа заявила: «Вот, дурак, приехал в Тифлис гулять, а Вильгельм не гуляет, он дело делает, берет русские города, возьмет Варшаву, возьмет другие города»²¹. Близость к народу способствовала десакрализации образа монарха как верховного правителя. Звучали прямые обвинения императора в развязывании войны и в равнодушии к народным страданиям. Так,

¹⁵ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 169.

¹⁶ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010. С. 192.

¹⁷ Ден Ю. Подлинная царица. М., 2009. С. 128.

¹⁸ Врангель Н. Н. Дни скорби. С. 17.

¹⁹ Рунин С. Россия на распутье // Отклики. Пг., 1915. № 7 («Отклики» — политический журнал, в котором публиковались фельетоны).

²⁰ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»... С. 195.

²¹ Там же. С. 115.

один крестьянин в марте 1915 г. заявил: «Вот если бы самих царей выгнать на войну, да побить бы их так, как наших детей бьют, тогда бы они узнали, как льется кровь наших детей»²².

Отсутствие ярко выраженных волевых черт еще меньше способствовало популярности императора среди подчиненных, а образ сильного, энергичного и успешного противника создавал опасный контраст и еще больше способствовал падению престижа Николая II. Л. А. Тихомиров отмечал: «И вот — у нас нет того, что есть у немцев. У них Вильгельм — центр, ясный и бесспорный»²³. В дальнейшем он высказался еще откровеннее: «Правду сказать, я теперь уже не имею никакого сомнения в победе Германии. Вопросы могут быть лишь частные: возьмут ли немцы Москву?.. Немцы умны, патриотичны, имеют превосходное государство. А у нас — все скверно, и поданные, и правительство, нет ни ума, ни знаний, ни порядка, ни даже совести. Из всех же наших зол самое ужасное — это власть, которая, вероятно, погубила бы нас даже и в том случае, если бы мы были порядочным народом»²⁴. Генерал А. А. Брусилов свидетельствовал: «Ни фигурой, ни умением говорить царь не трогал солдатской души и не производил того впечатления, которое необходимо. Чтобы поднять дух и сильно привлечь к себе сердца»²⁵. Подобную же ошибку совершила и императрица Александра Федоровна, которая пыталась создать образ царицы — сестры милосердия, что разрушало ее ореол императрицы.

В первый год войны созданию нужного образа Николая II в определенной степени мешал верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич: благодаря успехам в Галиции и собственной харизме он набирал популярность²⁶. В этом немалую роль сыграла близость великого князя к либеральным кругам; но неудивительно ли, что даже в народном сознании его «хороший» образ противопоставлялся образу слабого государя. Минский губернатор, монархист, князь В. А. Друцкой-Соколинский полагал, что «занятое великим князем Николаем Николаевичем ясно оппозиционное по отношению к государю и к правительству положение явилось, с одной стороны, средством к оправданию себя в военных неудачах, с другой — первоисточником и первопричиной его быстро развившейся широкой популярности»²⁷. Поэтому с точки зрения укрепления собственной власти можно признать верным решение царя в августе 1915 г. сместить августейшего дядю с высокого поста и стать во главе

армии. Тем самым ликвидировался дуализм управления в стране, наносился удар по возможному центру оппозиции, но одновременно, император утрачивал контроль над положением дел в Петрограде, а удаление популярного представителя династии Романовых отрицательно сказывалось на престиже всего царствующего дома.

Говоря об образе монарха, нельзя не остановиться и на роли Г. Распутина. Слухи, ходившие о нем и об императорской чете, подрывали доверие к монархии в целом²⁸. В общественном и народном сознании вырисовывалась такая картина: императором ловко манипулирует императрица, а она находится под влиянием тобольского старца, которого к тому же считали немецким шпионом. Неудивительно, что 3 февраля 1917 г. рабочие Путиловского завода кричали: «Долой самодержавную власть, так как государь не знает, кто правит страной и ее продает...»²⁹.

Наконец, стоит указать на явные ошибки в информировании населения о ходе боевых действий — они составляют четвертую группу. Конечно, военная цензура запрещала публиковать львиную долю информации, чтобы военные секреты не стали случайно достоянием гласности (как это бывало в годы русско-японской войны)³⁰. Сравнивая же описание боевых действий в периодики того времени с современными исследованиями, можно прийти к выводу, что многие события не замалчивались, и умный человек при тщательном сопоставлении фактов имел возможность разобраться в происходящем. Вполне объяснимо, почему значение военных побед России превозносилось, а поражения преуменьшались или замалчивались, но результаты такой «информационной» политики оказались плачевными.

Доверия к официальной информации не было, а недосказанность порожила слухи, которым начали верить больше, нежели правительственным сообщениям. Так, после разгрома 2-й русской армии А. В. Самсонова в Танненбергском сражении (26–31 августа 1914 г.) в газетах появились статьи, где этот факт был старательно заретуширован. Упоминалась только гибель ряда генералов в одном из боев. Однако эффект от таких публикаций оказался противоположным: недосказанность (наряду с фактом массовой гибели начальства) породила слухи о катастрофе. Офицер Л. Саянский, в сентябре 1914 г. направленный на восточно-прусский фронт, сделал такую дневниковую запись: «Не знаешь, чему

²² Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 100.

²³ Дневник Л. А. Тихомирова... С. 72.

²⁴ Там же. С. 149–150.

²⁵ Брусилов А. А. Воспоминания. М., 1963. С. 203.

²⁶ См.: Колоницкий Б. «Трагическая эротика»... С. 416–444.

²⁷ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству... С. 30.

²⁸ См., например: Таубе М. А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 199; Дневник Л. А. Тихомирова... С. 329; Курлов П. Гибель императорской России. С. 191–206; Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству... С. 186.

²⁹ Орлов И. Б. Политическая культура России XX века. М., 2008. С. 108.

³⁰ См.: Волковский Н. История информационных войн. М., 2003. Т. 1. С. 422–450.

верить... Одни говорят одно, другие — другое, а газеты — третье... Причем всякий из рассказывающих освещает факты по индивидуальности. Пессимист — плачевно, оптимист — все в розовом цвете, а скептик — с мрачной угрозой в голосе. Довольно крупная, но по существу ничего важного не представляющая, неудача корпусов Самсонова комментируется на тысячи ладов»³¹. В 1916 г. А. Д. Шеманский пытался доказать, что наши потери не могли составить более 100 тыс. человек (можно представить размер слухов).³² В действительности даже самые смелые немцы говорили лишь о 92 тыс. пленных, а в реальности потери были намного меньше.

Не на пользу шла и одновременная публикация правительственных сообщений и обличительной критики на материалы немецких газет. Например, после публикации сведений о разгроме 20-го русского корпуса в Августовских лесах в феврале 1915 г. газета «Русские ведомости» опровергла сведения немецкой прессы о захвате германской армией 26 тыс. пленных, 20 орудий и 30 пулеметов. Л. А. Тихомиров же отдал предпочтение именно опровергаемым вражеским данным: «Совершенно несомненно, что это “наглое” утверждение должно быть совершенно справедливым. Если целый корпус почти уничтожен, то понятно, что такое количество трофеев должно было достаться немцам. Очень тяжело. Мы, кажется, начинаем воевать по-австрийски»³³.

Следствием систематических умолчаний явилось представление в печати положения дел лучше, нежели оно было на самом деле. Уже с осени 1914 г. начались первые перебои со снабжением боеприпасами, однако пресса продолжала писать о мощи и силе нашей артиллерии. Систематическая лож вызывала падение доверия к официальной информации, тем самым власть лишалась мощного рычага воздействия на массы, которые скорее доверяли разнообразным слухам и антиправительственным изданиям. Яркой иллюстрацией может служить письмо русского солдата, отправленное в Ставку на имя верховного главнокомандующего в начале 1915 г., когда пропаганда уверяла в скорой победе: «Плохи наши дела! Бьют, гонят и сжимают нас швабы! Зачем Штаб позволяет швабам укреплять свои позиции? Ведь они все суживают кольцо вокруг Варшавы! <...> Обидно и тяжело! Стыдно! А придется Варшаву отдать! А так, пожалуй, и еще кое-что!!! <...> Плохо, прозевали и подпустили немца и его 42 орудия. 3/4 Польши у нас уже отхватили и укрепили. А мы? Очки втираем Карпатами. Да православие разводим в Галиции. Они шлют войска и генералов, а мы попов»³⁴.

³¹ Саянский Л. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера. М., 1915. С. 25–26.

³² Шеманский А. Д. Наступление русских в Восточную Пруссию // История великой войны. М., 1916. Т. 3. С. 143–156.

³³ Дневник Л. А. Тихомирова... С. 40.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 493. Л. 246.

Нелепость возникшей ситуации понимали и некоторые военные. Командующий 1-й армией генерал П. К. фон Ренненкамф в октябре 1914 г. писал в одном из докладов: «В статьях нашей повременной печати, касающихся описания хода военных действий или же описания отдельных боевых эпизодов, за последнее время начали появляться существенные отклонения от действительности, в сторону придания нашим делам оттенка какой-то исключительной удали. Среди таких статей попадаются заметки и личные впечатления якобы участников, полные преувеличенных описаний настолько не совпадающих с действительностью, что, проникнув в Армии, они естественно способны зародить сомнение даже к сообщениям безусловной верности...»³⁵.

Проведенный анализ приводит к выводу, что царская власть сама невольно способствовала потере легитимности, так как не осознавала важности доверия, считая его само собой разумеющимся. Уже первые появившиеся в начале 1915 г. в Ставке письма от отставных офицеров, нижних чинов и даже невоенных лиц с советами профессиональным военным по части стратегии и управления армией должны были быть восприняты как свидетельство потери доверия (как минимум к армейскому руководству)³⁶. Преувеличение побед и лакировка действительности породили недоверие ко всем правительственным сообщениям. Вместо умелой интерпретации власть пользовалась старыми методами цензуры, полужли и прямого обмана, что оказалось слабым ответом в сложившейся ситуации. На слухи (возможно, даже специально распускаемые врагами режима) не удалось найти достойного ответа, а повторение одних и тех же заученных патриотических формул на официальном уровне на протяжении почти трех лет не могло спасти положение.

Идеи общеславянской и союзнической солидарности натолкнулись на архаическое восприятие внешнего мира, а отдельные события (например, упомянутая выше относительная пассивность Западного фронта или выступление на стороне противника славянской Болгарии) еще больше дискредитировали внешнюю политику в целом (которая, стоит отметить, велась достаточно умело). Борьба же с дихотомией «друг – враг» и предельно упрощенным миропониманием было уже поздно: именно они подталкивали к поиску простейших ответов, тем самым направив народное и общественное око против неких внутренних врагов. Этому способствовали официально взращенные шпиономания и антигерманизм. На фоне представления о Первой мировой как об эпохальном конфликте росла цена возможного предательства. То, что могло сойти с рук в обычное время, в данной ситуации оказывалось непростительным.

³⁵ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 156. Л. 155.

³⁶ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 493.

Поиск внутреннего врага к концу 1916 г. обернулся против официальной власти³⁷. Отсутствовал яркий образ монарха, неотрывно связанный с возможностью одержать победу в войне, центральный во всей идеологической политике. Раздутое Ставкой дело Мясоедова и непоследовательные действия в отношении В. А. Сухомлинова (то его арест, то освобождение), а также близость ко двору Г. Распутина, сыграли значительную роль в дискредитации царской власти. Недоумение в отношении таких действий властей открыто высказал английский министр иностранных дел Э. Грей: «Но и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра»³⁸.

Неумелым лавированием, отдельными уступками и компромиссами власть сама рыла себе могилу, ибо ее действия не устраивали ни одну из частей общества, а подобные маневры рассматривались как проявления слабости (министерская чехарда, миф о влиянии Распутина это только усиливали). Офицер Н. Буторов в мемуарах четко выразил подобные настроения: «Потребовавшееся напряжение тыла, подчеркнув недочеты внутреннего управления, выявило безволие правящего класса, нервность слабой духом интеллигенции и поверхностный патриотизм населения. Крепкой направляющей руки не было. Принявший на себя командование армиями и лишь изредка наезжавший в Петроград благородный, но

слабохарактерный Государь Император легко поддавался разным влияниям. Шатание правительства стало азбучной истиной»³⁹. Царская власть не только не обладала сильной волей и крепкой рукой, но и не казалась таковой. Квинтэссенцией общественных и народных настроений стала известная речь П. Н. Милюкова, где рефреном звучал риторический вопрос: «глупость или измена». Примечательно, что даже монархист Л. А. Тихомиров был склонен к подобной оценке власти. В ноябре 1916 г. он оставил в дневнике следующую запись: «Я постоянно колеблюсь: идиоты? Изменники? Или смесь того и другого?»⁴⁰.

К сожалению, приходится констатировать: идеологическая политика не умела бороться с подобными настроениями и не предложила (да, кажется, и не стремилась этого сделать) адекватной интерпретации неудачного хода событий; пропаганда войны в качестве «народной», обращение к национальным корням и апелляция к подвигу простого солдата при одновременной дискредитации правительства и царского дома (в результате часто звучавших обвинений в измене) привели к противопоставлению в восприятии большинства населения Российской империи национального и монархического и утрате доверия к самодержавной власти у общества и народа. Именно отсутствие доверия стало причиной делегитимизации царской власти и ее падения в ходе Февральской революции 1917 г.

³⁷ Таубе М. «Зарницы». С. 199.

³⁸ Тарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой. С. 248.

³⁹ Буторов Н. В. Прожитое. 1905–1920. М., 2009. С. 66.

⁴⁰ Дневник Л. А. Тихомирова... С. 305.

Список литературы:

1. Айрапетов О. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию 1907–1917. М.: Модест Колеров, 2003. 254, [1] с.
2. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Минск: Харвест, 2002. 432 с.
3. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова: (1914–1917) / Сост., коммент. и предисл. Осин В. М., Хрусталева В. М. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. 446, [1] с.
4. Врангель Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 годов. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад, 2001. 319 с.
5. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. 524, [1] с.
6. Дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917. М.: РОССПЭН, 2008. 438, [2] с.
7. Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М.: Русский путь, 2010. 320 с.
8. Катков Г. Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006. 477, [1] с., [8] л.
9. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 657 с.
10. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Захаров, 2002. 297 с.
11. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 365, [1] с.
12. Тарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой. М.: Кучково поле, Гиперборей, 2007. 478, [1] с.
13. Таубе М. А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: РОССПЭН, 2007. 270, [1] с.,
14. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 373 с.
15. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Эксмо, 2003. 350, [1] с.

References (transliteration):

1. Ayrapetov O. Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu 1907–1917. M.: Modest Kolerov, 2003. 254, [1] s.
2. Brusilov A. A. Moi vospominaniya. Minsk: Kharvest, 2002. 432 s.
3. Dnevnik L. A. Tikhomirova 1915–1917. M.: ROSSPEN, 2008. 438, [2] s.
4. Drutskoy-Sokolinskiy V. A. Na sluzhbe Otechestvu: Zapiski russkogo gubernatora, 1914–1918. M.: Russkiy put', 2010. 320 s.
5. Fuller U. Vnutrenniy vrag: shpionomaniya i zakat imperatorskoy Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 373 s.
6. Golovin N. N. Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. M.: Veche, 2006. 524, [1] s.
7. Katkov G. Fevral'skaya revolyutsiya. M.: Tsentrpoligraf, 2006. 477, [1] s., [8] l.
8. Kolonitskiy B. «Tragicheskaya erotika»: obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 657 s.
9. Kurlov P. G. Gibel' imperatorskoy Rossii. M.: Zakharov, 2002. 297 s.
10. Porshneva O. S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny. M.: ROSSPEN, 2004. 365, [1] s.
11. Tarsaidze A. Chetyre mifa o Pervoy mirovoy. M.: Kuchkovo pole, Giperboreya, 2007. 478, [1] s.
12. Taube M. A. «Zarnitsy». Vospominaniya o tragicheskoy sud'be predrevolyutsionnoy Rossii (1900–1917). M.: ROSSPEN, 2007. 270, [1] s.
13. Voennyi dnevnik velikogo knyazya Andrey Vladimirovicha Romanova: (1914–1917) / Sost., komment. i predisl. Osin V. M., Khrustalev V. M. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2008. 446, [1] s.
14. Vrangel' N. Dni skorbi. Dnevnik 1914–1915 godov. SPb.: Zhurnal «Neva», Letniy sad, 2001. 319 s.
15. Yakovlev N. N. 1 avgusta 1914. M.: Eksmo, 2003. 350, [1] s.